

Чувственный опыт и преодоление нормативности

Александра Володина

Ненормативная темпоральность

АФФЕКТ, ПИСЬМО И ОПЫТ

Alexandra Volodina

Non-normative Temporality: Affect, Writing, and Experience

Александра Володина

Институт философии РАН, научный сотрудник;
кандидат философских наук
sasha.volodina@gmail.com.

Alexandra Volodina

Institute of Philosophy, RAS, Research Fellow; PhD
sasha.volodina@gmail.com.

Ключевые слова: время, темпоральность, опыт, норма, поэзия, автонарратив, исследования инвалидности

Keywords: time, temporality, experience, norm, poetry, autonarrative, disability studies

УДК: 7.01+82-1

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_67

UDC: 7.01+82-1

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_67

В статье выявляются и анализируются способы восприятия и переживания времени, отличные от нормативных и связанные с проживаемым опытом инвалидности, хронических болезней и нейроотличий. Аффективные режимы крип-времени (*crip* — самоназвание людей с инвалидностью) находят свое выражение в поэтических и художественных практиках, раскрывающих, как ненормативное время проявляется в опыте зависимости, болезни и заботы.

The article identifies and analyzes modes of perceiving and experiencing time that differ from normative ones and are connected to lived experiences of disability, chronic illness, and neurodivergence. Affective modes of crip time (crip being a self-designation reclaimed by people with disabilities) find expression in poetic and artistic practices that illuminate how non-normative time manifests in experiences of dependency, illness, and care.

Исследования темпоральности как восприятия времени в современных философских и критических теориях, как видится, в силу «пространственного поворота»¹ уступают место исследованиям места, карты и территории. Четкое разделение между восприятием времени и пространства вряд ли будет нам

1 Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 338 и далее.

полезно, однако, имея это в виду, все же попробуем сфокусироваться на рассмотрении различных темпоральных режимов, доступных нам в ощущении и рефлексии как «не-нормальные» или «не-нормативные»². Речь пойдет о восприятии, обусловленном ненормотипичным телесным контуром — инвалидностью, хронической болезнью, нейроотличием, — а следом мы рассмотрим более подробно темпоральные структуры опыта и языкового высказывания о нем в литературных и художественных практиках глухих людей.

К исследованию нормы и нормализации телесного опыта (т.е. процесса установления, закрепления и натурализации норм) интересно подойти с перспективы теории восприятия, оснащенной не столько психологическим или социологическим, сколько феноменологическим и аффектологическим инструментарием.

Восприятие и нормативность

Восприятие телесного ощущения как «нормального» или «не-нормального» если и может быть где-то локализовано, то обнаруживается в зонах неразличимости между индивидуальной психической жизнью и коллективными переживаниями. Регулируя социальные отношения, система норм опирается на механику социального конструирования и принадлежит сфере идеологии в альтюссерианском ее понимании (как «представления о воображаемых отношениях индивидуумов с реальными условиями их существования»³). Как в идеологическом пространстве люди живут «спонтанно» и «естественно», так и нормы, определяющие границы допустимого и границы надлежащего, постепенно натурализируются и воспринимаются как сами собой разумеющиеся, находясь на телесных поверхностях, то есть, казалось бы, в непосредственной близости и очевидности. Сама история этой натурализации оказывается скрытой — успешно закрепленная и функционирующая норма не вызывает сомнений и нередко ощущается как существующая испокон веков, тем самым совмещая разные темпоральные режимы: дискретное время социальной повседневности и неизменное, вечное время «того, как мир устроен». Здесь мы уже замечаем неоднородность в восприятии темпоральности нормы: нормативное время принадлежит как минимум двум режимам. Можно задаться вопросом, как же воспринимается не-нормальное время и возможно ли вообще помыслить такое понятие и обнаружить его в опыте?

Историографии нормализации как социальной конструкции посвятил многие свои работы Мишель Фуко, опираясь на идеи одного из своих учителей Жоржа Кангилема. Вслед за Кангилемом Фуко подчеркивает, что в отличие от естественного закона, каковым норма иногда представляется, она неизбежно сопряжена с властным «требованием и принуждением», ведь благодаря

-
- 2 В этом тексте мы используем три близких по смыслу и почти синонимичных понятия: «не-нормальное», «не-нормативное» и «ненормотипичное». «Не-нормативность» подчеркивает отличие от принятых норм и правил, «не-нормальность» ставит акцент на конкретности проживаемого опыта, не соответствующего норме, а «ненормотипичное» скорее описывает телесный опыт несовпадения с чем-то усредненным и наиболее часто встречающимся, однако не закрепленным в качестве нормы или правила.
 - 3 *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // *Неприкосновенный запас.* 2011. № 3 (77). С. 40.

системам норм «обосновывается и узаконивается некоторое исполнение власти»⁴. Присущее власти «искусство наказывать» не только собственно репрессирует, но и отмечает «внешнюю границу ненормального», различие иного порядка, принципиально не сходное со всеми прочими различиями: «Вечное наказание, пронизывающее все точки и контролирующее каждое мгновение в дисциплинарных институтах, сравнивает, различает, иерархически упорядочивает, приводит к однородности, исключает. Одним словом, *нормализует*»⁵. Можно полагать, что практики восприятия тоже оказываются под влиянием различных механизмов власти и эффектов нормализации. При взгляде с этой перспективы «двигателем» нормы окажется повторяющееся утверждение границ нормального в восприятии, реализующее властные механизмы, а не содержательное наполнение нормы, которое мы воспринимаем, поскольку, в сущности, содержание нормы нередко оказывается пустотным и воспринимается скорее опосредованно. На это обращают внимание многие теоретики исследований инвалидности⁶, замечая, что, к примеру, здоровье как норма — представление, лишённое конкретного содержания. Роберт МакРюэр определяет здоровье от противного (здоровое тело — это тело «не больное», «не искалеченное», «способное работать») и присутствует в социальном поле как неясный и «никоим образом не достижимый» идеал⁷. В (само)восприятии же мы имеем дело именно с переживаниями нездоровья, недуга, расстройства, несовпадения с предписанным идеалом, а нормальное здоровье характеризуется отсутствием специфических телесных событий и поводов для внимания. Размышляя об этом, Кангилем цитирует известный тезис французского врача Рене Лериша: здоровье — это «жизнь, проходящая в безмолвии органов»⁸. Мы воспринимаем не-нормальное ощущение яснее и внимательнее, чем нормальное, остающееся неразличимым и видимое «лишь в тот момент, когда болезнь лишает нас нормальных функций»⁹, а значит, можно говорить не о двух областях восприятия — нормальном и не-нормальном, — а о множестве не-нормальных (в той или иной степени) способов жизни в мире:

Болезнь — источник созерцательного внимания, которое жизнь уделяет жизни посредством человека. Если здоровье — это жизнь в безмолвии органов, то, строго говоря, науки о здоровье не существует. Здоровье — это органическая невинность. Она должна быть утрачена, как и всякая невинность, чтобы стало возможным знание¹⁰.

4 Фуко М. Ненормальные. СПб: Наука, 2004. С. 73.

5 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 268.

6 Здесь и далее я буду переводить понятие *disability* как «инвалидность» и «ненормотипичность», а *disabled person* — как «человек с инвалидностью» или «человек с ненормотипичным телесным опытом», поскольку понятие инвалидности в русском языке неразрывно связано с медицинским дискурсом (в отличие от более широкого англоязычного термина *disability*), что в нашем размышлении далеко не всегда уместно — ни с содержательной, ни с этической стороны. Однако важно отметить, что разные сообщества и разные носители опыта избирают для себя разную терминологию, и невозможно предложить какой-то единственный термин, который был бы оптимальным во всех контекстах и ситуациях.

7 McRuer R. Crip Theory. New York: New York University Press, 2006. P. 10.

8 Canguilhem G. Knowledge of Life. New York: Fordham University Press, 2008. P. 129.

9 Canguilhem G. On the Normal and the Pathological. Dordrecht: Reidel, 1978. P. 52.

10 Ibid.

Мера отклонения от нормы и нездоровья, рассуждает Кангилем, относительна, и аномалия является в большей степени эффектом неадаптированности и несонастройки со средой, чем собственным свойством того или иного тела или болезнью как отдельной сущностью (в этом Кангилем предвосхищает постулаты социальной модели инвалидности, которая сформируется несколько десятилетий спустя). На примере гемофилии Кангилем показывает, что при отсутствии определенных угроз в окружающей среде жизнь животного или человека с гемофилией была бы абсолютно нормальной (если бы, скажем, животное сохранило малоподвижный образ жизни растения, и «важнейшая жизненная функция — строгое разделение внутренней и внешней среды»¹¹ — актуализировалась бы в его существовании иначе). Внешняя среда, соответственно, может считаться нормальной в том случае, если существо, в ней живущее, может успешно «поддерживать свою собственную внутреннюю норму»¹² и использовать возможности среды с пользой для себя¹³.

Так, и внутренняя норма телесного восприятия, и восприятие нормально-го внешнего — контекстуально и функционально зависимые смеси ощущений. Не-нормальный временной режим, таким образом, будет восприниматься как время *ощутимое*, обладающее определенной плотностью и мерой сопротивления, становящееся видимым и препятствующее нормальному течению жизни. Обращая внимание на не-нормальное время, мы совмещаем в восприятии две составляющие: с одной стороны, представление о нормативном времени (дискретном, измеримом и конвенциональном), с другой — ощущение разрыва и несовпадения с ним. Первая составляющая связана со способностью схематизации (и, несомненно, необходима для обнаружения в опыте этих разрывов и несовпадений), вторая имеет дело не со схемами, а с аффективными переживаниями. Аффект мы здесь будем понимать, опираясь на концепцию Жюль Делёза, как ощущения-«переходы» и «переживаемые превращения»¹⁴. По Делёзу, развивающему идеи Спинозы, аффективное переживание возникает в промежутке «между» состояниями материальных тел, где изменение полностью реально и уже начинает себя проявлять, но еще не принимает определенной формы. Его можно трактовать как вторжение в тот или иной порядок отношений или положение дел и переход, осуществляемый этой вторгающейся силой или интенсивностью, минуя порядки значений и кодов. Аффект осуществляет действие (и потому определяется не как сущность или свойство, а как событие), не является знаком автономного индивидуального психического процесса (т.е. не является эмоцией), а также связан с коллективными формами опыта и ощущения.

Хотя философы и теоретики аффекта концептуализируют его в первую очередь как чувственное переживание интенсивности, аффективный опыт сохраняет связь с когнитивными процессами, на что мы хотим обратить внимание и здесь: ощущение «не-нормальности» не является сугубо дорефлек-

11 Ibid. P. 79.

12 Ibid. P. 81.

13 Подробнее о нормативности восприятия см.: Володина А.В., Тестов Д.Ф. К теории среды: социальные измерения аффордансов // Полилог/Polylogos. 2023. Т. 7. № 4 (URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110029262-0-1/>).

14 Делёз Ж. Спиноза // Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: Per Se, 2001. С. 358.

сивным, в противном случае оно осталось бы незамеченным (как хайдеггеровский исправно работающий инструмент, оно становится заметным лишь в случае поломки или утраты). Психолог Сильван Томкинс рассуждает об этой разноприродности аффекта в терминах цифрового и аналогового¹⁵. Аффект как телесное воздействие и переживание, не вполне схватываемое символическим и культурным инструментарием, — это цифровое событие (т.е. такое событие, которое может быть определено через бинарную систему «да/нет», «вкл./выкл.», — либо ощущение есть, либо оно отсутствует). Однако в нем есть и аналоговая динамика, выражающаяся в поливалентности (*many-valued*): на нейробиологическом уровне аффект — цифровая сенсомоторная активность («активно/не активно»), но он может быть очень вариативным в качественном отношении, обладать разной интенсивностью и содержанием, а главное — быть направленным на «любой объект»¹⁶ (в том числе на абстрактное понятие, когнитивный процесс и т.д.). Иными словами, аффект не телеологичен и обладает определенной степенью произвольности. Об этих свойствах аффектов подробно пишет в своих работах Ив Кософски Седжвик, которая развивает собственную теорию аффекта. Ее интерпретация, вдохновленная исследованиями Томкинса, не следует спинозистско-делезианской линии (хотя, как кажется, не противоречит ей) и благодаря этому предлагает дополнительный инструментарий для того, чтобы обнаружить способность аффектов к (авто)теоретичности. К примеру, Седжвик и Франк показывают, как теоретический потенциал раскрывается в аффективном ощущении стыда или отвращения: такое переживание — само по себе уже процесс теоретизирования. Рефлексия произвольности объекта переживания уже включена в аффект, ведь ощущая, мы понимаем, что тот же объект мог бы вызвать другие ощущения в другом контексте или у других субъектов:

Отвращение может вызывать только то, что, как вы полагали, может доставить удовольствие или удовлетворить. Оба этих аффекта порождают телесное знание: отвращение — выплевывание невкусной пищи — осознает разницу между внутренним и внешним, между тем, что следует и что не следует впускать; стыд, как нестабильная гиперрефлексивность поверхности тела, может вывернуть человека изнутри наружу или, наоборот, свернуть внутрь¹⁷.

Аффективное переживание не-нормального времени, как видится, тоже глубоко теоретично. Брайан Массуми, размышляющий об аффекте в делезианском ключе, поспорил бы с этим, трактуя аффект как неквалифицируемую способность, которая «не может принадлежать кому-либо, не доступна распознаванию и, следовательно, не поддается критике»¹⁸. Однако такой взгляд

15 Здесь мы опираемся на интерпретацию теории Томкинса в знаменитой работе Ив Кософски Седжвик и Адама Франка «Стыд в кибернетической складке» (*Sedgwick E.K., Frank A. Shame in the Cybernetic Fold: Reading Silvan Tomkins // Critical Inquiry. 1995. № 21 (2). P. 496–522*). Понимание аффекта Томкинсом тяготеет к биологизаторскому, однако мы, вслед за Седжвик и Франком, полагаем, что оно может быть расширено.

16 *Kosofsky Sedgwick E., Frank A. Shame in the Cybernetic Fold: Reading Silvan Tomkins // Critical Inquiry. 1995. № 21 (2). P. 503.*

17 *Ibid.* P. 520.

18 *Massumi B. Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham; London: Duke University Press, 2002. P. 28.*

несколько сужает границы пространства аффективного. По мнению Массуми, именно нередуцируемая материальность телесного опыта аффекта и позволяет ему ускользать от репрезентации и критики. Но переживание несовпадения с нормой, помимо рефлексивной составляющей, тоже обладает материальностью и конкретными жизненными последствиями (поскольку нормализация, как убедительно показал Фуко, пронизывает не только институциональные дискурсы, но и непосредственно тела членов общества). В «аффекте не-нормальности» есть не только сырая материя ощущения, но и операции различения, установления отношений и авторефлексии, которые, вопреки Массуми, вполне могут стать мишенью для критики.

Вооружившись этим инструментарием, можно попробовать рассмотреть различные модусы не-нормативной темпоральности. Как переживаются аффекты не-нормального времени и как эти переживания находят свое выражение в структурах опыта и структурах текстов?

Идея не-нормального времени, времени болезни и заботы, часто возникает в исследованиях инвалидности и автотеориях носителей опыта хронической болезни, инвалидности или ментальных особенностей. Эта область знания, находящаяся на стыке академических дисциплин, активистского и художественного письма и теорий, близких деколониальным, получила название криптеории (от английского *crip* — сокращения от *cripple*, «калека», пейоратива, переприусвоенного в качестве самоназвания носителями опыта инвалидности). В этой перспективе мы и станем рассматривать ненормативное время — как нездоровое, неправильное, неэффективное, спотыкающееся, ускоренное или замедленное.

Несовпадение с темпоральными нормами часто представляется как характерная черта ненормотипичного телесного опыта. Она видится тем более важной, что культурные идентичности людей с опытом инвалидности или хронической болезни чрезвычайно разнообразны, и формы солидарности зачастую выстраиваются не на основе общей идентичности, а благодаря общности социальных проблем, ролей и задач. Эта сложность идентитарных процессов закономерна, если рассматривать ее как следствие социальной стигматизации людей с инвалидностью. Как отмечал Ирвинг Гофман, стигма основывается на том или ином качестве человека, в то время как для равноправных взаимодействий необходим «язык отношений, а не язык качеств»¹⁹. «Больные» — как носители физиологического свойства «болезни» — становятся объектами статистики и вытесняются в пространства, состоящие преимущественно из людей условно здоровых, в круг близких и врачей, что затрудняет создание собственных сообществ. Поэтому сообщества людей с опытом инвалидности часто избирают или изобретают язык отношений, а не идентичностей.

Переживания несовпадения с нормативным временем и опыты жизни в ненормативной темпоральности описываются понятием «крип-времени» (*crip time*). Нормативное время, учреждаемое социальным порядком, рассчитано на «здорового», трудоспособного индивида, который способен и намерен двигаться «в ногу со временем». Иные не-нормативные темпоральные режимы, как кажется, главным образом тоже подразумевают здорового и проактивного субъекта (скажем, темпоральность досуга или революционная темпоральность

19 Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin Classics, 2022. P. 3.

сопротивления). Крип-субъект же не только не обладает здоровьем, но может не обладать даже стремлением к нему, в силу чего может обнаружить себя в пространстве ненормативных способов восприятия, эпистемологических и эстетических интуиций. Исследованием этих интуиций занимается крип-теория, консолидирующая размышления носителей соответствующего опыта. Впервые в эксплицитном виде понятие крип-времени возникает в научном и активистском дискурсе в 1990-е годы и к 2010-м становится одним из ключевых понятий крип-теории благодаря трудам Элисон Кафер, Эллен Сэмюэлс, Роберта МакРюэра и других. Концепции крип-времени выступают ценными союзниками антикапиталистических и антиакселерационистских теорий, критикующих растущее ускорение и механизацию темпоральных режимов современности²⁰. Время, которое задают и отмеряют структуры школы, армии или индустриального производства, движется четко, быстро и однонаправленно:

чем более детально подразделяется время, чем больше множатся его доли, тем лучше можно расчленить его посредством разворачивания его внутренних элементов перед контролирующим их взором, тем более вероятна возможность ускорить операцию или, по крайней мере, упорядочить ее в соответствии с ее оптимальной скоростью²¹.

Гендерная исследовательница Дана Лучано показывает, как «время горевания» возникло в эпоху модерности в качестве аффективного состояния, противопоставленного этому ритму прогрессивного, механистического времени. Она пишет, что «горе было связано с чувственностью, стремившейся придать времени “человеческое” измерение, коллективное, а не продуктивное, повторяющееся, а не линейное, рефлексивное, а не движущееся вперед»²².

Один из первых импульсов концептуализации «инвалидного», не-нормативного времени обнаруживается в автотеоретических текстах австралийки Энн Макдональд, невербальной²³ женщины с инвалидностью. Описывая специфический ритм своей жизни, она отмечает его относительность (в противовес фиксированности нормативного времени, точно отмеряющего равные друг другу минуты, часы и дни): «Восприятие времени человеком зависит от того, насколько он зависим»²⁴. Время женщины, целиком зависящей от помощи и заботы близких или врачей, гибко и податливо — оно замедляется, как при эффекте слоу-моушн, и подстраивается под среду таким образом, чтобы минимизировать риски. Разные режимы зависимости и настройки со средой могут проявляться в разнообразных аффективных темпоральностях. Элисон Кафер описывает крип-время совершенно иначе, более радикально — как «гибкое время, которое не просто расширилось, а взорвалось»²⁵, отбросив норматив-

20 См., например, критику темпоральности капиталистической гонки у Розы Брайдотти: *Braidotti R. A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities // Theory, Culture and Society*. 2019. № 36 (6). P. 31–61.

21 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 225.

22 Luciano D. Arranging grief: sacred time and the body in nineteenth-century America. New York: New York University Press, 2007. P. 6.

23 Т.е. не разговаривающей на устном языке.

24 Цит. по: *Kuppers P. Eco Soma: Pain and Joy in Speculative Performance Encounters*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2022. P. 161.

25 *Kafer A. Feminist, Queer, Crip*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2013. P. 27.

ную последовательность и линейность. В этом случае идею «гибкости» можно было бы заменить на «пластичность» в интерпретации, которую предложила для этого понятия Катрин Малабу, — пластичность, которая объединяет в себе способность и к адаптации, и к сопротивлению. Подобным образом и опыт жизни в крип-времени является одновременно освобождающим и ограничивающим. Освобождающим — потому что крип-темпоральные режимы подрывают жесткие социально-экономические структуры времени и открывают доступ к иным темпоральным возможностям; с другой стороны, этот подрыв — не свободный выбор, а необходимость, принуждение, налагаемое ограничениями тела и среды.

Аффективные режимы крип-темпоральности

Попробуем разметить несколько режимов крип-времени — список возможных темпоральностей ими, разумеется, не исчерпывается и может быть продолжен. Эти временные режимы прочитываются нами как аффективные, поскольку захватывают материальность телесного опыта, сопутствуя когнитивному восприятию не-нормативности этого опыта.

Как только кого-то в современном социальном пространстве называют больным, его действия и убеждения в прошлом, настоящем и будущем начинают интерпретироваться через призму его болезни. Если же у человека обнаруживается хроническое заболевание или инвалидность, то эта интерпретативная рамка болезни становится неотъемлемой характеристикой его социальной жизни²⁶. В то время как при внимательном взгляде можно обнаружить, что, напротив, болезнь и инвалидность являются продуктом властных отношений, медицинских дискурсов и неадаптированности окружающей среды, а не чем-то, что ретроспективно обнаружилось как «так или иначе всегда свойственное» субъекту. Временное поле болезни таким образом пробрасывается ретроспективно и перспективно, в прошлое и будущее, создавая то, что можно было бы назвать гомогенным временным фоном жизни.

Аффект *переживания болезни как вневременного фона* и его дискурсивные эффекты не только не совпадают с нормальным временем здоровых людей, но и отторгаются им. Дискурс инвалидности во многом был сформирован «ловко придуманной идеей неподвижности» (*permanence*); он обращен к сконструированным образам тел и разумов, «которые не могут двигаться во времени по гладким рельсам нормативных этапов жизни и которых постоянно спрашивают: “Вы когда-нибудь снова сможете работать? Вы когда-нибудь снова будете ходить? Вам когда-нибудь станет лучше?”»²⁷. И даже если влияние стигматизации ослабляется, а борьба за права и равное отношение приносит свои плоды, дискурсивная история дискриминации надолго остается фоном прошлого, настоящего и будущего, делая время «насыщенным», «плотным» (*thick*)²⁸.

26 Подробнее см.: Zola I.K. Self, Identity and the Naming Question: Reflections on the Language of Disability // Soc. Sci. Med. 1993. Vol. 36. № 2. P. 167–173.

27 Samuels E., Freeman E. Introduction: Crip Temporalities // The South Atlantic Quarterly. 2021. № 120 (2). P. 245.

28 Loewen Walker R. The Living Present as a Materialist Feminist Temporality // Women: A Cultural Review. 2014. № 25(1). P. 56.

Тема будущего в размышлениях о крип-времени звучит довольно часто — отчасти индуцированная извне («Вы когда-нибудь выздоровеете?»), отчасти вызванная внутренними потребностями адаптации. Крип-будущее может переживаться по-разному — к примеру, в перспективе прогноза. Темпоральность прогноза не всегда измерима единицами нормативного времени и может ощущаться как замедленная или, напротив, ускоренная, однако она позволяет оперировать категорией будущего в условиях неопределенности и временной пластичности. К примеру, в автонарративах людей со смертельным онкологическим диагнозом мы встречаем свидетельства двойственности субъективного опыта: с одной стороны, человек знает, что воспринимается обществом как стоящий на пороге *гибели*, с другой, изнутри он ощущает болезнь как длящийся и насыщенный (пусть и негативно) опыт *жизни*. Аффективный опыт «жизни в прогнозе» сравним с гореванием, пишет Сара Лохланн Джейн: прогностический дискурс выступает как «технология оплакивания, удерживающая связь между будущим и прошлым», подобно «маленькому памятнику»²⁹. Прогноз — будь он положительным или отрицательным — это почти единственный способ представить и операционализировать будущее, который социум предлагает людям с инвалидностью. Как известно из теории литературы и психологии, мы испытываем определенное удовлетворение, когда нечто ожидаемое наконец-то свершается: даже если будущее событие ужасало нас, мы все же ощущаем облегчение, когда оно наступает, и нарративная композиция обретает свою цельность; как показывает Джейн, о том же свидетельствуют художественные тексты и воспоминания, рассказывающие о жизни с онкологическим заболеванием.

Прогностические образы и модели выстраиваются в соответствии с линейным временем и во многом служат для вписывания ненормотипичной телесности в нормативные социальные процессы, однако сами переживания жизни «на фоне прогноза» очень вариативны. В этом смысле прогностическая темпоральность — понятийный инструмент, альтернативный логике идентичности. Если идентичность схватывает качество опыта (и оттого может оказаться чрезмерно общей категорией, нечувствительной к нюансам), то через прогноз мы скорее описываем динамические изменения, которые в разный момент времени могут в большей или меньшей степени соотноситься с нашими будущими состояниями и переживанием их предчувствия. Такое описание может быть точнее, чем описание через идентичность³⁰.

Многие теоретики и активисты задаются вопросом, возможно ли вообще некое позитивное будущее для людей с инвалидностью? Счастливое будущее в доминирующем дискурсе может быть связано разве что с выздоровлением или чудесным исцелением, то есть должно совпадать с телесной нормой. Инвалидности же нет места ни в какой из версий желаемого будущего (подобно тому, как и в настоящем инвалидность — одна из немногих идентичностей, которые не являются результатом свободного выбора³¹). Элисон Кафер называет это «исцеляющим воображением», которое ожидает и предполагает излечивающее вмешательство (и ничего, кроме вмешательства): «В нашем состоянии инвалидности мы не яв-

29 Jain S.L. Living in Prognosis: Toward an Elegiac Politics // Representations. 2007. № 1 (98). P. 90.

30 Джейн поэтому предлагает говорить не о субъекте инвалидности (*disabled subject*), а о субъекте прогноза (*prognostic subject*) (Ibid. P. 81).

31 Дэвис Л.Д. Конец нормального // Общее целое. М.: V-A-C Press, 2020. С. 255.

ляемся частью доминирующих нарративов прогресса, но после реабилитации, нормализации и, надеюсь, излечения мы будем играть важную роль, став живым доказательством прогресса, развития и триумфа над разумом и телом»³².

Однако можно попытаться вообразить себе такое будущее, где ненормотичная телесность была бы желаемой. Это, впрочем, потребует довольно радикального отказа от представлений о нормальном — т.е. не расширения границ нормы таким образом, чтобы она стала более инклюзивной, а пересмотра тех жизненных практик, которые сделали норму возможной, универсальной и вневременной. Крип-исследователи, активисты, писатели и художники отказываются признавать, что нормализация всегда желанна для ненормотичных тел: даже несмотря на физические страдания и социальные ограничения, опыт человека с инвалидностью может обладать для него автономной ценностью как источник чувств, знаний о мире или новаторских идей. Роберт МакРюэр концептуализирует эту самооценку ненормотичного телесного опыта как отказ от дискурса «принудительной здоровости»; Розмари Гарланд-Томсон рассматривает ненормотичный опыт как основу для развития феминистской теории и эпистемологии³³; активно разрабатываются аболиционистские и анти-институциональные проекты в попытках создать социальные пространства без сегрегации (сюда можно отнести, к примеру, антипсихиатрические и созвучные им инициативы в широком диапазоне от институциональной психиатрии Франсеска Тоскейеса до наследия Франко Базальи, Дэвида Купера, Робера Кастеля и Феликса Гваттари). Крип-теоретики выражают надежду на то, что в ходе жизненной практики можно изобрести «новые формы пунктуальности, основанные на присутствии, одновременности и согласованности: новые способы совместного пребывания во времени — возможно, даже такие, в которых ценится статичность и настоящее, а не движение и будущее»³⁴.

В отличие от ясной направленности «нормальной» стрелы времени и ее последовательного ритма крип-время может быть не согласованным — внутри собственного течения и с другими темпоральностями. Человек с инвалидностью порой вынужден останавливаться и замедляться; социальные и материальные преграды могут препятствовать тому, чтобы предусмотреть последствия своих и чужих действий или попросту успеть куда-то вовремя. Ощущение не-нормативной темпоральной связности исследовательница Эллен Сэмюэлс называет «путешествием во времени»:

Инвалидность и болезнь обладают силой изымать нас из линейного, прогрессивного времени с его нормативными этапами жизни и бросать в червоточину ускорений вперед и назад, резких остановок и стартов, утомительных интервалов и резких обрывов. Некоторые из нас борются с возрастными нарушениями еще в молодости; с некоторыми из нас обращаются как с детьми, сколько бы нам ни было лет. <...> мы, обитающие в телах крип-времени, знаем, что мы никогда не бываем линейными, и молчаливо — или не совсем молчаливо — негодуем на спокойную прямоту тех, кто живет в защищенном пространстве нормативного времени³⁵.

32 Kafer A. Feminist, Queer, Crip. P. 28.

33 Garland-Thomson R. Integrating Disability, Transforming Feminist Theory // NWSA Journal. 2002. Vol. 14. № 3. P. 1–32.

34 Samuels E., Freeman E. Introduction: Crip Temporalities. P. 251.

35 Samuels E. Six Ways of Looking at Crip Time // Disability Studies Quarterly. 2017. № 37 (3) (URL: <https://dsq-sds.org/article/id/1565/>).

Важно подчеркнуть, что практики эмансипации и исследования ненормотипичного тела хотя и ставят перед собой определенные задачи (например, эстетические или эпистемологические), но избегают выраженной телеологичности своих проектов. Если «нормальное» счастье со времен аристотелевской «Никомаховой этики» предполагает ориентацию на будущее и на завершенность, «идеальный финал или финал-в-себе»³⁶, т.е. то, к чему все живое стремится, то проекты крип-будущего подразумевают несовершенство и незавершенность — поскольку эти состояния присущи крип-опыту и едва ли могут быть преодолены. Отдавать себе в этом отчет — означает обретать возможность интерпретативной работы с прогнозом и «жизни в прогнозе»: в частности, сопротивления ему, его переосмысления или использования.

Так, нетелеологичность крип-темпоральности или, по меньшей мере, стремление к осмыслению нетелеологичной процессуальности можно заметить во многих свидетельствах об опыте жизни с инвалидностью или хронической болезнью. Другое свойство, кажущееся существенным, — вариативная континуальность. Время ненормотипичного опыта может двигаться с разной скоростью и останавливаться; отношения между прошлым, настоящим и будущим могут распадаться или ощущаться нелинейными, а границы между разными временами могут стираться. Это, однако, не отменяет внутреннюю связность переживания течения времени — как в индивидуальном опыте, так и в опыте родных и близких человека с инвалидностью, его «сообщества заботы». Эта связность может носить парадоксальный характер сопряжения несоединимого, т.е. линейного и нелинейного времени: говоря о крип-темпоральности как о «путешествии во времени», Эллен Сэмюэлс поясняет: «Я хочу, чтобы время разделилось и позволило моей жизни идти двумя путями и чтобы я могла свободно перемещаться между ними по своему желанию»³⁷ — между ненормативным временем болеющего партнера и собственным нормативным временем. «Время заботы», т.е. темпоральный режим, в котором обнаруживают себя близкие человека с инвалидностью, неизбежно обладает внутренним напряжением или даже противоречивостью, вынуждая постоянно переключаться между крип-временем и временем нормативным, к которому формально относится помогающий близкий, будучи условно здоровым человеком³⁸.

Темпоральность в автонарративах глухих

Даже не будучи теоретическими текстами *per se*, рефлексии о собственном ненормотипичном телесном опыте могут обладать эпистемологическим потенциалом благодаря когерентности с этим опытом. Нормативный язык академического исследования или даже какой-либо из конвенциональных форматов художественного высказывания не всегда подходят для анализа материала ненормотипичного опыта, поскольку помещают его в оковы существующих

36 Ahmed S. *Happy Futures, Perhaps // Queer times, queer becomings / Ed. by E.L. McCullum and Mikko Tuhkanen. Albany: State University of New York Press, 2011. P. 163.*

37 Samuels E. *Six Ways of Looking at Crip Time.*

38 См. подробнее о «времени заботы»: Stevens S. *Care Time // Disability Studies Quarterly. 2018. № 38 (4) (URL: <https://dsq-sds.org/article/id/1481/>).*

понятийных систем, книжной страницы или «музейного» произведения искусства. Крип-(авто)нарративы зачастую сопротивляются существующим форматам и стремятся экспериментировать в поиске новых, производя операцию, которую по другому случаю Жак Деррида называл «практической деконструкцией трансцендентального эффекта»³⁹ — т.е. благодаря верности материалу ощущения, а не языку описания, производят знание, не претендующее на универсальность или даже на объяснительную продуктивность. Несмотря на отсутствие этой претензии, они все же могут приблизить нас к пониманию специфики чувственного опыта и познания, о котором повествуют или размышляют. В отношении теорий аффекта это не менее справедливо: упомянутый выше Сильван Томкинс утверждал, что когнитивно-аффективная жизнь всех без исключения людей организована в соответствии с теориями аффекта, поскольку аффективное переживание подразумевает авторефлексивную составляющую, которая в свою очередь влияет на течение аффективного переживания (как отмечает Седжвик, в этом Томкинс очевидно вдохновлялся кибернетическим подходом и представлением о петле обратной связи⁴⁰). Согласно Томкинсу, нет совершенно никакой дистанции между теорией аффекта как эксплицитным теоретизированием ученых и философов и «теорией аффекта в смысле скорее неявного теоретизирования, которое практикуют все люди, испытывая и пытаясь справиться со своими собственными и чужими аффектами»⁴¹. Потому важно обратиться к своего рода «следам теории» в автонарративах носителей опыта, и в этом разделе статьи мы сфокусируемся на анализе темпоральности в текстах глухих и слепоглухих людей, чтобы избежать излишних обобщений при рассмотрении текстов людей с разными формами инвалидности, хронических заболеваний или ментальных особенностей, что потребовало бы гораздо более масштабного исследования.

Ненормотипичные аффективные темпоральности по-разному проявляют себя в нарративах глухих людей, а также в целом в культурных практиках глухих сообществ. Отчасти особенности временных режимов обуславливаются своеобразием жестового языка. Обладая, подобно устным языкам, собственной лексикой, грамматикой и стилистическими правилами, жестовые языки представляют собой сложные лингвистические системы. Однако они являются воплощенными, а потому крайне контекстозависимыми: смысловое содержание и грамотность речи на жестовом языке зависит от скорости и характера движений тела, эмоционального фона, окружающей обстановки вокруг говорящего. В этом отношении жестовая речь, вероятно, в большей степени субъективно окрашена, чем печатный текст на русском языке, который может быть анонимизирован и тем самым «нейтрализован». Еще одно важное свойство состоит в нередуцируемой длительности жестовой речи: ее необходимо воспринимать разворачивающейся во времени и нельзя окинуть высказывание мгновенным взглядом, в отличие от текста на книжной странице. С другой сто-

39 *Derrida J.* Glas. Lincoln: University of Nebraska Press, 1986. P. 15b.

40 *Kosofsky Sedgwick E.* Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity. Durham; London: Duke University Press, 2003. P. 133. Идея петли обратной связи описывает взаимодействие в сложных системах, которые способны «реагировать на реакции». То есть исходящая от системы информация может быть воспринята самой системой и повлиять на ее собственные состояния и действия.

41 *Ibid.* P. 134.

роны, жест может служить гораздо более экономным средством выражения: нюанс, который потребовал бы подробного описания в тексте, может быть выражен одним жестом с немануальными языковыми компонентами (мимикой, пластикой тела, размещенностью в пространстве и т.п.). Это означает, что жестом возможно выразить не только последовательность, но и смешение, одновременность, многослойность. Еще Этьенн Бонно де Кондильяк отмечал, что в устной речи мы передаем смешанные чувства, разделяя их и выражая последовательно отдельными словами, хотя различные идеи, очевидно, не появляются в нашем сознании одна за другой. Жест же может быть «непосредственным и прямым»⁴² и в этом смысле более ответственным высказыванием.

Литературные и художественные произведения на жестовом языке могут таким образом объединять или выбирать разные режимы континуальной связи: параллельность/одновременность и последовательность. Эти режимы могут разворачиваться внутри самого жестового нарратива или в процессе перевода между устным и жестовым языками. Это прекрасно иллюстрирует ставшая классической история встречи слышащих и глухих поэтов на семинаре «Два мира, один дух» в 1984 году в Национальном техническом институте глухих (NTID) в американском городе Рочестере. Один из участников семинара, знаменитый поэт Аллен Гинзберг, заявил, что «цель хорошего поэта — написать что-то визуально яркое и ясное», и именно такие поэтические образы хорошо поддаются переводу на другой язык. Для иллюстрации он попросил добровольца из аудитории перевести на американский жестовый язык фразу «термоядерный джукбокс»⁴³ (*hydrogen jukebox*) из его стихотворения «Вопись». Поэт Джим Кон, очевидец этого события, рассказывает, как Патрик Грейбилл, поэт, создававший стихотворения на жестовом языке,

выпрыгнул вперед, повернулся к аудитории и начал импровизационный перевод самого впечатляющего образа из «Вопись». Он вынул из кармана брюк воображаемый четвертак и положил его в начерченный им в воздухе музыкальный автомат. Становясь музыкальным автоматом... одной рукой он извлек пластинку, в вертикальном положении поднес ее к центру, повернул горизонтально и положил на другую поднятую руку — проигрыватель. И вот диск — на столе, ось вращения сформирована средними пальцами, игла опустилась. Выражение беспокойства отразилось на его лице, затем страх, затем ужас, когда его тело и руки дико забились в конвульсиях, вращаясь и воплощая хаос вышедшей из-под контроля машины. Этот момент навсегда остался в моей памяти. Вытянутые ладони, обращенные друг к другу — уже не вращающиеся, а словно тяжелые поршни — вытянули всю энергию в комнате своим последним сжатием. Затем он выбросил в воздух руки, распахнутые в агонии, словно раскрытые рты, и грибовидные облака пронзили наше коллективное сознание⁴⁴.

В этой истории два слова развернулись в дрящееся эстетическое событие, но можно представить себе и обратное действие — сжатие долгого описания в один

42 *Ree J.* I See a Voice: A Philosophical History of Language, Deafness and the Senses. London: Harper Collins Publishers, 1999. P. 133.

43 *Гинзберг А.* Вопись / Пер. с англ. И. Кормильцева // Антология поэзии битников. М.: Ультра. Культура, 2004. С. 13.

44 *Cohn J.* Sign Mind: Studies in American Sign Language Poetics. Boulder: Museum of American Poetics Publications, 1999. P. 39.

эмблематичный телесный знак. Жестовый язык обладает огромной темпоральной вариативностью — от концентрированного, мгновенного выражения смеси или сборки информации до последовательного разворачивания смонтированного нарратива. Монтаж, впрочем, может осуществляться не только последовательно во времени, но и симультанно в пространстве, поскольку элементы жеста могут располагаться одновременно в разных частях трехмерного семиотизированного поля вокруг тела говорящего. Здесь мы понимаем монтаж в классической трактовке Сергея Эйзенштейна как сопоставление элементов, вызывающее «в восприятии и чувствах зрителя наиболее исчерпывающе полный образ»⁴⁵. Кинематографическую монтажность жестового языка не раз отмечали исследователи, активисты и члены глухих сообществ. Лингвист Уильям Стоуки, один из первых академических исследователей жестового языка, пишет:

Суть языка жестов заключается в переходе от среднего плана к крупному, а затем к дальнему плану, затем снова к крупному и так далее, включая даже флэшбэки и флэшфорварды, точно так же, как работает монтажер фильма... Сам жестовый язык не только больше похож на смонтированный фильм, чем на письменное повествование, но и каждый жестикулирующий человек во многом похож на камеру⁴⁶.

Бернард Брэгг, глухой актер и один из основателей Национального театра глухих в США, использует термины «пространственно-кинетическая грамматика» и «кинематографическая поэтика» для описания жестовой поэзии. По мнению Брэгга, когда исполнитель показывает свое поэтическое произведение, он использует пространство вокруг своего тела примерно так же, как актер в кино занимает место в кадре: например,

...широкие, размашистые движения в жестовом произведении аналогичны крупным планам, используемым в кино. <...> Чтобы достичь такого уровня кинематографической вариативности, поэты расширяют и сокращают свои жесты в зависимости от зрительского ракурса, наиболее соответствующего произносимым строкам. Смелые жесты привлекают зрителя и создают ощущение близости. Незаметные движения создают дистанцию с аудиторией и контекст⁴⁷.

Подобные техники монтажа открывают возможности для расширения темпоральных рамок и экспериментов с нелинейной континуальностью.

Континуальные связи между фразами, образами и идеями внутри нарратива могут конструироваться с помощью монтажа элементов и фрагментов не только в произведениях на жестовом языке, но и в других литературных практиках глухих. В подтверждение этому обратимся к автонарративам слепоглухих людей, представленным в материале «Монологи о последнем услышанном в жизни»⁴⁸. Они представляют собой рассказы о последнем звуковом воспоминании в ответ на вопросы интервьюера, поэта и критика Владимира Коркунова. Темпоральность непосредственных живых рассказов утрачена для нас

45 *Эйзенштейн С.М.* Монтаж. М.: ВГИК, 1998. С. 66–67.

46 Цит. по: *Sacks O.* Seeing Voices: A Journey into the World of the Deaf. New York: Harper Perennial, 1990. P. 90.

47 Цит. по: *Hawk L.* Hearts and Hands: ASL Poetry // American Sign Language University. 2007 (URL: <http://lifeprint.com/asl101/topics/poetry.htm>).

48 *Экмиашева И., Волох Е., Рачкин В. и др.* Монологи о последнем услышанном в жизни // Новое литературное обозрение. 2024. № 186(2). С. 243–251.

в силу перевода: не все интервью можно было получить в письменном или устном формате, и приходилось прибегнуть к услугам посредника-переводчика с (предположительно) дактиля⁴⁹, который одна из рассказчиц Ирина Поволоцкая называет «речью из ладони в ладонь»⁵⁰ (как правило, при таком общении рука одного собеседника, прикасаясь к руке другого, показывает комбинации, соответствующие буквам, и второй собеседник может тактильно воспринять их). Хотя тематика была задана интервьюером и композиция текстов также составлена им, тем не менее, поскольку каждый монолог был верифицирован⁵¹, мы вправе, как кажется, говорить об этих произведениях как об автонарративах. В этих текстах обращает на себя внимание обилие разнообразных маркеров времени, относящихся как к разным этапам прошлого, фиксированным («мне было 10 лет — и мне было страшно») и длящимся («а впереди ждала полная потеря зрения»), так и к настоящему («после этого», «сейчас», «чувствую себя», «все вспоминаю»). Это кажется неслучайным. Специфику этих нарративов позволяет нам увидеть фокусировка на особого рода континуальности и связности, которую мы обозначили выше как важное свойство крип-темпоральности. Монтаж различных временных периодов и воспоминаний в рассказе, не всегда совпадающий с их хронологическим порядком, указывает на сложность в выстраивании последовательного нарратива. Поскольку связность между трудно выразимыми опытами не дана в самих переживаниях (ведь речь идет о радикальных изменениях в жизни), рассказчику необходимо ее обнаруживать и конструировать в каждой истории, для этого постоянно обращаясь и к настоящему времени, даже если речь идет о воспоминаниях.

Другой способ обратить внимание на неоднородную континуальность опыта мы находим в книге глухой художницы Наташи Романовой «Предзимье». Книга говорит с читателями двумя голосами: бабушка художницы рассказывает истории из детства Наташи и ее семьи на русском языке, и параллельно тексту представлен его перевод на русский дактильный алфавит. Каждой букве соответствует своя дактилема (конфигурация кисти и пальцев), нарисованная художницей вручную, — этот художественный ход подчеркивает, что дактиль в общении глухих людей так же индивидуален, как письменный почерк («кто-то дактилирует держа руку на одном месте, а кто-то двигает ею слева направо, будто пишет»⁵², и т.д.). Смешанный формат книги если не соответствует различиям в способах нарративизации опыта людьми с разным телесным контуром, то по меньшей мере указывает на них. Текст на русском языке и текст на дактиле пишутся и читаются с разной скоростью и с разной степенью внимательности: письменная форма непривычна для дактиля и русского жестового языка в целом, в котором контекст и движения говорящего, его мимика, эмоции и расположение тела в пространстве играют огромную роль для передачи

49 Дактиль, т.е. дактильный алфавит или дактильная азбука, — это подсистема жестового языка, состоящая из пальцевых знаков (различных комбинаций положений пальцев), каждый из которых обозначает определенную букву алфавита. Дактиль используется для произнесения слов, для которых не существует жестов, т.е. фамилий, названий улиц, научных терминов и т.д.

50 Там же. С. 250.

51 Заметки о способе проведения интервью см.: Коркунов В. Внутри шести тайников Луи Брайля: слепоглухота и документальная поэзия // Новое литературное обозрение. 2024. № 2 (186). С. 233.

52 Колесников В. Об издании // Романова Н. Предзимье. М.: V-A-C Press, 2025. С. 49.

нюансов, интонирования и т.д. Если читатель не очень бегло говорит на жестовом языке, то ему придется медленно разгадывать дактильный текст как шифр, либо воспринимать его в качестве всего лишь иллюстративного фона и читать только обыкновенный текст — то есть радикально замедляться или ускоряться в чтении. В этой книге художница, с одной стороны, подчиняет дактиль статичному формату печатной страницы, а с другой — использует его как способ переосмысления нарратива, с помощью перевода подчеркивая и свою причастность, и свою дистанцию по отношению к этим историям. Для бабушки Наташи эти рассказы, вероятно, принадлежат к завершеному прошлому, но перевод актуализирует их в настоящем, чтобы создать пространство памяти на двух языках. Иначе, но с похожей целью используется метод перевода в проектах глухой поэтессы Мэг Дэй. В поисках форм выразительности она обнаруживает, что ее тексты, хотя и вполне могут быть записаны на английском, не всегда «умещаются» в книжную страницу, и печатная публикация заставляет поэтессу идти на внутренние компромиссы с нормами культуры слышащих. Дэй экспериментирует с новой стратегией, которую называет контрапунктной поэзией, подразумевая под этим соединение двух параллельных стихотворений в одном произведении: одно стихотворение написано буквами по-английски, а второе существует в призрачном режиме аудиозаписи, причем в аудиофайле зафиксированы лишь звуковые эффекты чтения этого стихотворения на жестовом языке. В отсутствие визуальной информации по-настоящему «прочитать» это второе стихотворение невозможно, и лишь власть фигуры автора заставляет нас поверить, что второе стихотворение существует и «вмешивается в английский текст, создавая дополнительное двуязычное, бимодальное произведение»⁵³. В этом случае длительность аудиозаписи, ее протяженность во времени — это и есть то небольшое, что только и остается доступным читателю, и непосредственное темпоральное переживание оказывается в центре поэтического события⁵⁴.

Переживание «параллельных длительностей» не в переводе, а в самом художественном тексте предлагает поэзия на протактиле — языке слепоглухих людей. Он похож на уже упоминавшуюся выше «речь из ладони в ладонь», однако более вариативен и задействует в прикосновениях не только руки, но и другие части тела авторов и слушателей (как правило, участников беседы двое или максимум трое). Протактиль как языковая практика зародился в 2007 году в США, и одним из его вдохновителей стал слепоглухой поэт Джон Ли Кларк. Размышляя о характере протактильного высказывания и общения (что, в сущности, одно и то же), он отмечает, что в разговоре на протактиле мы не только *ощущаем* что-то, но в то же время и *ощушаем*, что сами *ощущаемы* этим, касаясь и отвечая на прикосновения⁵⁵. Так, восприятие высказывания определяют две длительности — произносимая и воспринимаемая, — наслаивающиеся

53 Day M. Unfit to Print: Refusing the Page in Deaf Poetics // Wordgathering. 2021. Vol. 15. Issue 4 (URL: <https://wordgathering.com/vol15/issue4/disability-futures/day/>).

54 Нельзя не заметить ироническое переворачивание практики доступности: в инклюзивных проектах, как правило, мы работаем с тем, чтобы сделать «обычные» социальные пространства доступными для людей с инвалидностью, а здесь, напротив, ненормотипичное, «глухое» художественное пространство оказывается недоступным для «нормотипичной» (а впрочем, и любой другой) аудитории.

55 Clark J.L. The Rebuttal: A Protactile Poem // Crip Authorship: Disability as Method / Ed. by R. Sanchez and M. Mills. New York: New York University Press, 2023. P. 297.

друг на друга. Рассказывая о том, как поэтесса Ронда Войт-Кэмпбелл «читала» (*performed*) ему и еще одному «слушателю» свое стихотворение «Утешение», Кларк поясняет, что «чтице» приходится «разделять свое протактильное послание на два клона, чтобы передать обоим слушателям одно и то же послание. Пока она исполняла свое стихотворение, я осознавал не только то, что сам воспринимаю его, но и то, что другой человек воспринимает его вместе со мной»⁵⁶. В своей собственной практике он создает стихотворения на протактиле в сопровождении «параллельного стихотворения»⁵⁷ на английском языке. Он подчеркивает, что это не перевод, а «двойник», удерживающий дополнительную, третью длительность восприятия стихотворения.

В книге «Крип-пространство-время» Маргарет Прайс пишет, что, как ей кажется, время и ответственность неразделимы⁵⁸. Она приходит к этому тезису, размышляя о крип-опыте как опыте становления и используя термин «становление» в делезианском ключе. Это означает, что становление — процесс более плавный и сложный, чем трансформация. Становление подразумевает не превращение одного в другое, а постепенное движение и направленную открытость к другому. Оно всегда остается незавершенным, и, отправляясь из стартовой точки, мы не покидаем ее до конца и не достигаем финала: происходящее в становлении — «переходный градиент»⁵⁹ между точкой А и точкой В. То, как разворачивается во времени опыт травмы или болезни, иногда описывается сходным образом: повторяющиеся попытки сопротивления изменившемуся опыту, его осознания, его приспособления к нормативной среде задают вектор становления иным. Но в этой динамике сохраняется и нормативное измерение — в воспоминаниях о «здоровом» прошлом, в социальном контексте, в опыте родных и близких; оно остается фоном переживания, контрастирующим с самим переживанием. Ответственность, сопутствующую течению времени, о которой говорит Маргарет Прайс, можно тогда трактовать как необходимость замечать длящийся труд несовпадения с самим собой и собственным опытом, труд сохранения связности опыта во времени.

Библиография / References

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 14–58.
(Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // Neprikosnovennyuy zapas*. 2011. № 3 (77). P. 14–58 — In Russ.)

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
(Bachmann-Medick D. *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture*. Moscow, 2017 — In Russ.)

56 Protactile Poetry. Edited by John Lee Clark // West Branch. 2021. № 96 (URL: <https://westbranch.blogs.bucknell.edu/protactile-poetry/05/2021/>).

57 Clark J.L. The Rebuttal: A Protactile Poem. P. 298.

58 Price M. Crip Spacetime: access, failure, and accountability in academic life. Durham; London: Duke University Press, 2024. P. 79.

59 Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. С. 17.

- Володина А.В., Тестов Д.Ф. К теории среды: социальные измерения аффордансов // Полилог/Polylogos. 2023. Т. 7. № 4 (URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110029262-0-1/>).
- (Volodina A., Testov D. Toward Environment Theory: Social Aspects of Affordances // Polylogos. 2023. Vol. 7. № 4 (URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110029262-0-1/>) — In Russ.)
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015.
- (Deleuze G., Guattari F. Kafka. Pour une littérature mineure. Moscow, 2015 — In Russ.)
- Делёз Ж. Спиноза // Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: Per Se, 2001. С. 325–444.
- (Deleuze G. Spinoza // Deleuze G. Empirizm i subektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza. Moscow, 2001. P. 325–444 — In Russ.)
- Дэвис Л.Д. Конец нормального // Общее целое. М.: V-A-C press, 2020. С. 241–272.
- (Davies L.J. The End of Normal // Obshchee tseloe. Moscow, 2020. P. 241–272 — In Russ.)
- Коркунов В. Внутри шести тайников Луи Брайля: слепоглухота и документальная поэзия // Новое литературное обозрение. 2024. № 186 (2). С. 224–234.
- (Korkunov V. Inside Louis Braille's Six Hiding Places. Deafblindness and Documentary Poetry // Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2024. № 186 (2). P. 224–234 — In Russ.)
- Фуко М. Ненормальные. СПб: Наука, 2004.
- (Foucault M. Les Anormaux. Saint Petersburg, 2004 — In Russ.)
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- (Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. Moscow, 1999 — In Russ.)
- Эйзенштейн С.М. Монтаж. М.: ВГИК, 1998.
- (Eisenstein S. Montazh. Moscow, 1998 — In Russ.)
- Canguilhem G. Knowledge of Life. New York: Fordham University Press, 2008.
- Canguilhem G. On the Normal and the Pathological. Dordrecht: Reidel, 1978.
- Cohn J. Sign Mind: Studies in American Sign Language Poetics. Boulder: Museum of American Poetics Publications, 1999.
- Derrida J. Glas. Lincoln: University of Nebraska Press, 1986.
- Garland-Thomson R. Integrating Disability, Transforming Feminist Theory // NWSA Journal. 2002. Vol. 14. № 3. P. 1–32.
- Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin Classics, 2022.
- Jain S.L. Living in Prognosis: Toward an Elegiac Politics // Representations. 2007. № 1 (98). P. 77–92.
- Kafer A. Feminist, Queer, Crip. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2013. P. 27.
- Kosofsky Sedgwick E., Frank A. Shame in the Cybernetic Fold: Reading Silvan Tomkins // Critical Inquiry. 1995. № 21 (2). P. 496–522.
- Kosofsky Sedgwick E. Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity. Durham; London: Duke University Press, 2003.
- Kuppers P. Eco Soma: Pain and Joy in Speculative Performance Encounters. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2022.
- Loewen Walker R. The Living Present as a Materialist Feminist Temporality // Women: A Cultural Review. 2014. № 25(1). P. 46–61.
- Luciano D. Arranging grief: sacred time and the body in nineteenth-century America. New York: New York University Press, 2007.
- Massumi B. Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham; London: Duke University Press, 2002.
- McRuer R. Crip Theory. New York: New York University Press, 2006.
- Price M. Crip Spacetime: access, failure, and accountability in academic life. Durham; London: Duke University Press, 2024. P. 79.
- Ree J. I See a Voice: A Philosophical History of Language, Deafness and the Senses. London: Harper Collins Publishers, 1999.
- Samuels E., Freeman E. Introduction: Crip Temporalities // The South Atlantic Quarterly. 2021. № 120 (2). P. 245–254.
- Samuels E. Six Ways of Looking at Crip Time // Disability Studies Quarterly. 2017. № 37(3) (URL: <https://dsq-sds.org/article/id/1565/>).
- Stevens S. Care Time // Disability Studies Quarterly. 2018. № 38(4) (URL: <https://dsq-sds.org/article/id/1481/>).
- Zola I.K. Self, Identity and the Naming Question: Reflections on the Language of Disability // Soc. Sci. Med. 1993. Vol. 36. № 2. P. 167–173.